

Евгений Абдуллаев

И снова слово на букву «И»

В нескольких предыдущих «барометрах» я, похоже, слишком углубился во внутри-литературные дела. Пора высунуть голову за пределы нашей *république littéraire*.

Этот очерк будет, на первый взгляд, не о литературе. И речь пойдет о статье, которая к литературе тоже отношения не имеет — хотя и опубликована в литературном журнале.

Дмитрий Узланер, «Конец “проправославного консенсуса”: религия как новый раскол российского общества» («НЛО», 2020, № 3).

Чтобы не пересказывать, процитирую из аннотации.

«Статья посвящена феномену “проправославного консенсуса”, сложившегося в России к началу XXI века, и его постепенному разрушению в 2010-х годах. Православие из фактора национального консенсуса постепенно превращается в фактор конфликта, раскалывающего российское общество. Этот процесс иллюстрируется целым рядом кейсов, начинающихся с дела “Пусси Райот”: появление в публичном пространстве “бывших верующих”, становление нового российского атеизма, конфликты вокруг музеев, выставок, фильмов, риторика “информационной войны” против Церкви и т.д.».

Внешне, казалось бы, все так. И конфликты, и кейсы. И сам я писал об этом в этой рубрике года три тому назад (2017, № 12).

Задумываешься о другом.

Как же получилось, что православие, бывшее (по утверждению автора) консолидирующим началом российского общества, стало (по его же утверждению) «фактором конфликта»?

Понятие «проправославного консенсуса» предложили в 2000-м году российский политолог и религиовед Дмитрий Фурман и его финский коллега Киммо Каарияйнен¹. Академии наук России и Финляндии провели тогда серию социологических опросов, выявивших крайне позитивное отношение большинства респондентов к православию. Что и было отражено в предложенном понятии.

Что же изменилось?

Опросы последних лет (и это признает сам Узланер) «показывают лишь небольшие изменения в “проправославном консенсусе”»; консенсус продолжает сохраняться.

Чтобы обосновать тезис о его конце в 2010-е Узланер прибегает к совершенно иной исследовательской оптике — которая, как он сам предупреждает, выходит

¹ Фурман Д., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К.Каарияйнена, Д.Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000.

«за пределы стандартного анализа опросов общественного мнения». Он анализирует кейсы — те самые, которые перечислены выше. От «Пусси Райот» и далее со всеми оговорками.

Здесь возникает первый вопрос. Разве до начала 2010-х не было подобных кейсов? Сколько угодно. Можно вспомнить многочисленные разоблачительные материалы о сотрудничестве в советское время высших иерархов РПЦ с органами госбезопасности, включая нашумевший телерепортаж Татьяны Митковой. Это еще 90-е, самое начало. Или перформанс Тер-Оганьяна с рубкой православных икон (1998). Или выставки «Осторожно, религия!» (2003) и «Запретное искусство» (2006).

Антиклерикальные ноты довольно отчетливо звучали и в прозе. И в «Полуострове Жидятине» Олега Юрьева (2000), и в скандальной «Лестнице на шкаф» Михаила Юдсона (2003), несколько раз переиздававшейся. И в «Дне опричника» Владимира Сорокина (2006)... И в «Коме» Эргали Гера (2010)... Перечислять — не перечислишь.

Антиклерикальность порой переходила в кощунство. «Кощунство... в современной литературе — вещь модная и выросшая на гидропонике постсоветского неопитства». Это Ольга Лебедушкина еще в самом начале нулевых писала («Дружба народов», 2002, № 5).

Все это, однако, не положило конец «проправославному консенсусу» и не привело к расколу общества.

Почему же именно в 2010-е, по утверждению Узланера, консенсус закончился?

«Всякий анализ современной религиозной жизни в России следует начинать с истории "Пусси Райот", ставшей ключевым поворотным моментом для многих процессов».

Это утверждение Узланер несколько раз, как мантру, повторяет в самой статье. «Дело "Пусси Райот" выступило катализатором...» — «Дело "Пусси Райот" оказывается поворотным моментом...» — «И поворотным пунктом тут снова оказывается "панк-молебн"...»

Дело, не спорю, было шумное. Но действительно ли столь эпохальное? Сомневаюсь. Задача исследователя как раз состоит в том, чтобы уйти от оценки того или иного события в зависимости от его «резонансности». Иначе в чем тогда отличие позиции исследовательской от, условно говоря, обывательской? Обыватель тоже судит о важности события по количеству «медийного шума».

Да, отчасти конфликтный потенциал заложен в самом христианстве, изначально, с самого основания. Соответствующие евангельские цитаты не привожу — надеюсь, и так известны. И с превращения христианства в государственную религию светская власть стремилась этот конфликтный потенциал, порожденный «неотмирностью» христианской церкви, свести к минимуму. Растворить христианство в себе, инструментализовать. Такова естественная логика светских элит, в том числе и нынешних российских. Но осуществить это полностью никогда не удастся. Отсюда и конфликты: явные и — что важнее — скрытые.

В 2010-е обозначился лишь новый уровень этих конфликтов. Нет, не из-за конца «проправославного консенсуса» (если таковой вообще имелся)¹. Отчасти — и это отмечено в статье Узланера — из-за общего роста оппозиционных настроений по

¹ При всем уважении к Дмитрию Фурману (мне довелось общаться с этим замечательным ученым и мыслителем в Ереване в 2004 году), должен сказать, что это понятие не представляется удачным. О каком «проправославном консенсусе» в 90-е можно говорить, когда одновременно — и даже более стремительно — шел рост количества адептов в исламе (и их активности), а также в лагере прямых «конкурентов» РПЦ: различных неопротестантских церквей? А еще пестрая вереница восточных культов, неоязычество... «Прорелигиозный консенсус»? Возможно. «Проправославный» ли?

сравнению с предыдущим десятилетием. Критика церкви — как это уже не раз бывало в российской истории — оказывается наиболее доступной формой критики политической власти.

Но это объясняет далеко не все. Разве в 90-е РПЦ не пользовалась патронажем государства? Не говоря уже о нулевых. Специфика 2010-х все же не в этом.

Нужно иметь в виду и завершившуюся к концу нулевых медийную революцию. Благодаря Интернету и социальным сетям прежде безгласное (относительно) большинство получило «трибуну». Конфликтов не то чтобы резко стало больше: просто протекавшие прежде незаметно и скрыто стали выходить на поверхность, разрастаться, детонироваться. Это отмечает (хотя и не связывая с «медийной революцией») и Узланер: «...Почти любой слух, любое обвинение — даже самое несправедливое — “раздувается” и привлекает широкое внимание общественности».

Тут, пожалуй, стоит несколько остановиться.

Нет, все сказано справедливо. У меня вопрос — последний в этом очерке — лишь к понятию «общественности», «общества», «российского общества», которое постоянно использует в своей статье Узланер. Присутствует оно и в ее подзаголовке: «Религия как новый раскол российского общества».

Так вот — понятие *общества*, на мой взгляд, использовано здесь не совсем корректно. Вместо него должно было стоять другое: *интеллигенция*.

Не «российское общество», а «российская интеллигенция». Тогда всё встает на свои места.

Достаточно просмотреть упоминаемые Узланером кейсы, чтобы увидеть: все «действующие лица и исполнители» относятся именно к этой социальной группе. И бывшая послушница Мария Кикоть, и журналист-атеист Александр Невзоров, и «Пусси Райот», и режиссер Тимофей Кулябин, и все другие упомянутые и неупомянутые в статье персоны — все это не рабочие, не крестьяне, не военные, не бизнесмены, не госслужащие.

«Я не знаю в точности, какие именно социальные группы выпали из этого [проправославного] консенсуса», — признает Узланер в конце статьи. (Вообще, в конце он пытается немного смягчить свои формулировки.)

На мой взгляд, именно с этого вопроса — о социальных группах — как раз и стоило бы начинать. Определить социальную принадлежность «фигурантов» статьи в век Интернета не составляет труда. Почти все они имеют высшее образование, все связаны с интеллектуальными и/или творческими профессиями. Все относятся к интеллигенции, причем наиболее крупных российских городов: Москвы, Питера, Екатеринбурга, Новосибирска... К этой группе принадлежит, кстати, и сам Дмитрий Узланер. Часть, иными словами, выдается за целое, *pars pro toto*.

Этому, впрочем, есть объяснение.

Понятие «интеллигенция» почти исчезло из социальной и политической лексики 2010-х: из научных исследований, из публицистики, литературной критики. Последний всплеск обсуждений этого понятия был отмечен в начале нулевых; несколько интересных проектов по изучению постсоветской интеллигенции провел во второй половине нулевых Виталий Куренной с коллегами (под патронажем фонда «Наследие Евразии»).

И — всё, дальше тишина. «Явление интеллигенции исторически исчерпано, и сейчас распавшаяся интеллигенция является пустым означающим, не имеющим за собой социальной онтологии» (Виктор Мартьянов)¹.

¹ Мартьянов В. Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления // История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 72.

Даже где-то встретил тогда: как хорошо, что наконец исчезло это слово на букву «И», так всем надоевшее. Пытались назвать ее как-то по-другому. Интеллектуалы. Креативный класс. Куренной предложил: интеллектуально-активная группа.

В целом, интеллигенция в который раз себя хоронила¹.

Хотя вроде и вузы продолжали все эти годы выпускать людей с высшим образованием, и численность граждан РФ, занимающихся интеллектуальным трудом, не уменьшалась. Напротив. Это заводы в результате деиндустриализации продолжают закрываться и деревни обезлюдивают. А интеллигенция — та самая, которая считалась лишь «прослойкой»... Нет, и по ней ударил развал Союза, совпавший с общемировым завершением эпохи модерна. Да, какая-то часть в 90-е маргинализировалась. Какая-то эмигрировала. Какая-то ушла в бизнес, в госструктуры, в неправительственные организации, в церковь...

В нулевые положение интеллигенции несколько стабилизировалось, хотя ряд прежних свобод был утрачен и ряд прежних «вакансий» закрыт. Но пока экономическая ситуация оставалась в целом стабильной, с этим как-то мирились.

С конца нулевых ситуация стала ухудшаться, пояса затягиваться (пусть и не так сильно) и гайки закручиваться (пусть и не так резко). И интеллигенция, откормившаяся в нулевые и получившая к тому же мощный медийный ресурс в виде Интернета, вышла на сцену. Именно она оказывается за всеми протестными движениями 2010-х, от прелюдии на Болотной до постлюдии с Навальным. Как это, опять же, не раз бывало в российской истории — и позднеимперской, и позднесоветской.

Между «той» интеллигенцией и нынешней, постмодерной, есть, конечно, различия. Нынешняя крайне атомизирована; у нее почти полностью отсутствует сословная солидарность, столь остро развитая у прежней. Она не знает (и не стремится рефлексировать), кто и что она; она даже не знает, что она — интеллигенция. Она способна мобилизоваться на кратковременный протест: для долговременных действий ей не хватает хотя бы минимального осознания своей социальной общности.

И второе. «Если во второй половине XIX века интеллигенция была прежде всего народнической, то в XXI веке ее характеризует ярко выраженный антипопулизм»². Интеллигенция постмодерна слишком замкнута на себе, своих собственных проблемах и своих собственных взаимоотношениях с властью. Отсюда, кстати, и не раз отмеченная бедность постсоветской литературы в отображении иных социальных слоев, иных — неинтеллектуальных — видов деятельности...

В чем нынешняя интеллигенция наследует прежней — это антиклерикализм, в диапазоне от умеренного агностицизма до экстремального атеизма. Интеллигенция с момента своего возникновения находится с церковью в отношениях острой конкуренции за интеллектуальную и духовную власть; что не исключало воцерковленности отдельных ее представителей, а также отдельных периодов прихода части интеллигенции в церковь. Последнее происходило, как правило, в кризисные и для интеллигенции, и для церкви времена; тогда между ними временно прекращались «боевые действия» и устанавливались отношения симбиоза.

Последний такой период, начавшийся в 1970-е, на волне отчуждения значительной части интеллигенции от «социалистического проекта», достиг своего пика в 1990-е. Церкви, вышедшей из полумаргинального существования, не хватало священно-

¹ В те же годы, однако, в одном литературном обсуждении прозвучало более трезвое: «Советская интеллигенция и полуинтеллигенция с падением советской власти не исчезли, а лишь переформатировались» (Валерий Шубинский, «Октябрь», 2010, № 2).

² Джагалов Р. Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции («Неприкосновенный запас», 2011, № 1).

служителей, не хватало преподавателей светских дисциплин во вновь открываемых семинариях, не хватало просто грамотных специалистов.

К середине нулевых этот «голод» уже не испытывался. Большая часть пришедшей в церковь интеллигенции в ней, насколько можно судить, осталась (перестав быть интеллигенцией *per se*), какая-то часть ее покинула — тихо, либо же превратив свой уход в медийное событие. В интеллигентский дискурс снова возвращается антиклерикальная риторика, в церковный — антиинтеллигентская¹. Поскольку же РПЦ начинает все активнее участвовать в социально-политической жизни, неудивительно, что градус и той, и другой все более повышается.

В этом, собственно, и состоял конец «проправославного консенсуса» среди — снова подчеркну — интеллигенции.

Это не значит, что антиклерикальные настроения полностью отсутствуют в других слоях общества. Или что часть интеллигенции — не только воцерковленная — не относится к церкви сочувственно. Но конфликт существует и, возможно, будет усиливаться. И разобраться в нем, игнорируя роль интеллигенции, игнорируя само это понятие, — путь малопродуктивный. Это же, впрочем, относится и к ряду других противоречий — в том числе и касающихся литературы. Но о теме «интеллигенция и литература» — как-нибудь в другой раз.

¹ Кстати, многие носители этой «антиинтеллигентской» риторики в РПЦ сами вышли из светской интеллигенции. Эту особенность еще в 1970-е годы отметил прот. Александр Шмеман: «Даже обращаясь в Церковь, интеллигент остается интеллигентом. Он “несет знамя” своей “церковности”, он “обожает поститься”, он с надрывом принимает Типикон и, главное, все время клеймит “интеллигенцию”» (*Шмеман А., прот. Дневники. 1973—1983. М.: Русский путь, 2005. С. 361*). На традиционный «интеллигентско-церковный» конфликт накладывается внутренний, «интеллигентско-интеллигентский».